

Глава 23. Досадный конфуз

На сей раз простуда свалила Шуанчэна внезапно и тяжело, словно подмытая гора рухнула. Прежде он рос крепким, как молодой бычок, и знать не знал никаких хворей. Теперь же, изо дня в день даваясь тремя чашами нестерпимо горького отвара, он не просто ставил под сомнение ценность собственной жизни, но и впервые познал всю горечь одиночества.

Снадобье было невыносимо мерзким, а Е Чжэнь — на редкость мелочным и злопамятным.

После той ночи, когда Шуанчэн устроил пьяный бунт и в наказание простоял на коленях до рассвета, Глава кабинета ни разу не заглянул в Восточный двор. Он лишь передал управляющему короткий и суровый приказ из двух слов: «Под замок».

Разумеется, запертый в четырех стенах Шуанчэн времени даром не терял и предавался глубоким размышлениям. Теперь-то он понимал: все его капризы той ночью — чистейшая глупость. Хмель просто-напросто ударил в голову, заставив вытворять невесть что. Почудилось вдруг, будто он — сиротинушка безродная, обделенная родительской лаской, а тут еще старший брат держит его в ежовых рукавицах... Вот и пришла в нетрезвую голову шальная мысль взбунтоваться да запеть песнь свободы.

Но если взглянуть на этот бунт сейчас, на трезвую голову, становилось очевидно: затея была глупой и, мягко говоря, не-зре-лой. Только теперь до Шуанчэна начал доходить горький вкус раскаяния. Что, если Е Чжэнь и впрямь махнет на него рукой? Неужели он превратится в никому не нужного подкидыша?

«О боже... Неужели сирота?!»

От этих мыслей Шуанчэн жалобно вздохнул и уставился на дымящуюся чашу со снадобьем, погружаясь в уныние.

— Второй молодой господин, лекарство остывает, — подал голос стоявший рядом старый управляющий.

Шуанчэн уныло опустил ресницы и, не поднимая головы, неопределенно хмыкнул. Немного помолчав, он решил зайти издалека:

— Послушай, почтенный... а чем твой хозяин сейчас занят? Как он поживает?

Старый слуга от такой неслыханной вежливости — чтобы второй молодой господин столь ласково и уважительно обратился к нему! — растерялся и мгновенно позабыл о неостывшем отваре.

— Ох, второй молодой господин! — взволнованно заговорил он. — Глава кабинета после

утреннего приема сразу запирается в кабинете. Никуда не выходит, все за государственными бумагами сидит!

— А... а спит он где?

— Дак это... прямо там, в кабинете, на лавке и ложится, — развел руками управляющий.

Шуанчэн от неожиданности вытаращил глаза. Он с размаху хлопнул себя по бедру и возмущенно воскликнул:

— Где-то?! В кабинете?! И вы вот так запросто это терпите? Как вы вообще заботитесь о своем хозяине?!

Управляющий смутился, бросил на юношу красноречивый взгляд и лишь тяжело вздохнул, не решаясь высказать очевидное.

И тут до Шуанчэна дошло. Ведь Восточный двор, где его заперли, всегда принадлежал Е Чжэню. А комната, которую он занял, находилась вплотную к личным покоям старшего брата...

Юноша почувствовал себя наглым захватчиком, беспардонно выселившим хозяина. Потерев подбородок, он сердито подумал: «Ну и ну! Пусть Е Чжэнь на меня злится, но не лишать же себя нормальной постели! Мы ведь даже не в одной комнате спим. Стены толстые, нос к носу не столкнемся. Чего он боится? Уж если мне не боязно, то ему-то и подавно стыдно должно быть!»

С досадой отмахнувшись от слуги, Шуанчэн натянул одеяло по самые уши, уткнулся лицом в подушку и зажмурился, всем видом показывая, что разговор окончен.

— Второй молодой господин, помилуйте! А лекарство-то? — всплеснул руками растерявшийся старик.

— Отвяжись! — огрызнулся из-под одеяла Шуанчэн. — Хватит с меня этого яда! Сам пей, и всю свою родню им пои!

Старик от такой дерзости аж поперхнулся, а его испещренное морщинами лицо задергалось, напоминая сухую сосновую кору. Но тут его осенило. Сделав шаг к кровати, он негромко, с тонким намеком произнес:

— Но ведь Глава кабинета велел мне лично проследить, чтобы вы выпили все до капли...

Едва эти слова сорвались с губ слуги, как вся напускная апатия Шуанчэна испарилась. Он рывком сбросил одеяло, сел на постели и, подозрительно прищурившись, уставился на

управляющего:

— Врешь! Неужели сам брат приказал?

Управляющий закивал так усердно, будто у него голова отвалится, и замахал руками, клянясь, что не посмел бы выдумать подобное.

На душе у Шуанчэна мгновенно потеплело, обида поутихла. Он довольно пошевелил пальцами, откинулся обратно на подушки и... наотрез отказался пить отвар. Теперь, сколько бы старик ни распинался, юноша лишь сыто сопел и не двигался с места.

От такого упрямства бедный управляющий чуть чашу на пол не выронил.

Сумерки давно сгустились над столицей, когда Е Чжэнь вернулся в Поместье Е. Весь день он провел в управе. Арестованный префект провинции Цзинъань рыдал и бился в тюремной камере, клянясь, что был лишь пешкой в чужих руках и не смел перечить приказам свыше.

Из-за этих воплей господин Цзи Жучэнь спешно послал за Е Чжэнем, чтобы вместе устроить допрос, скрытый от лишних глаз.

Но чиновник, до смерти напуганный стоящими за его спиной кукловодами, упорно запирался. Он юлил, мычал, путал показания и уходил от прямых ответов, из-за чего разбирательство затянулось до глубокой ночи.

Цзи Жучэнь под конец совсем потерял самообладание и едва не прибил негодяя прямо на месте; Е Чжэню стоило немалых трудов успокоить вспыльчивого соратника.

В облике Главы кабинета сквозила глубокая усталость, а под глазами залегли темные круги. Едва он переступил порог дома, навстречу ему поспешил управляющий:

— С возвращением, господин.

Е Чжэнь устало кивнул и прошел в кабинет. Скрывшись за ширмой, он сменил душное официальное одеяние на простое домашнее платье, а когда вернулся, заметил, что слуга по-прежнему мнетя у двери.

— Что-то стряслось? — негромко спросил он.

Управляющий виновато улыбнулся:

— Господин, молодой господин Шуанчэн опять капризничает. Наотрез отказывается принимать снадобье. А ведь лекарь выписал еще несколько порций! Как же простуду выгнать, коли лекарство в чаше стынет?

Е Чжэнь на мгновение нахмурился. Он подошел к высокому книжному шкафу у стены, скользнул взглядом по корешкам и вытащил два свитка. Аккуратно смахнув с них невидимую пыль, он не оборачиваясь обронил:

— Оставь его. Пусть делает что хочет.

— Но... — управляющий растерянно моргнул.

Делать было нечего. Старик сокрушенно покачал головой, поклонился и, тихо вздыхая, покинул кабинет.

Нелепая обида затянулась на несколько дней. Шуанчэн упорно не притрагивался к лекарствам, отчего простуда никак не желала отступать. Он целыми днями томился в запертой комнате, мрачнел на глазах и за какие-то полнедели заметно осунулся и исхудал.

Управляющий извелся от беспокойства, глядя на угасающего юношу, но оба брата обладали на редкость упрямым и гордым нравом — ни один не желал сделать шаг навстречу.

Наперсник Цю Мин пытался вразумить своего господина:

— Молодой господин, уступите, покайтесь перед старшим братом. Вы ведь родная кровь, зачем же возводить между собой глухую стену? К чему эти обиды? Всегда можно договориться. Раньше, сколько бы вы ни проказничали, Глава кабинета все вам прощал. Неужели в этот раз не простит?

Управляющий тут же поддакнул:

— И то верно, молодой господин! Наш господин эти дни сам не свой, только о вас и думает, поверьте старику.

Шуанчэн лишь презрительно фыркнул. «Заботится он, как же! — язвительно подумал он. — Будь это так, хоть бы разок заглянул проведать! Нет уж, я для него пустое место. Брошенный сиротинушка, которого сослали с глаз долой и предоставили самому себе!»

В сердцах он выпалил:

— Да что вы понимаете?! Сдался я ему! Наш великий Глава кабинета думает лишь о чинах, богатстве да о будущей жене! Да случись завтра всемирный потоп, он и тогда не шелохнется — просто наденет парадный халат и отправится на утреннюю аудиенцию к Императору!

Цю Мин лишь молча развел руками, не зная, что возразить на такую тираду. Старый управляющий только сокрушенно покачал головой.

Прошло еще два дня, и терпение Шуанчэна лопнуло. Гордость гордостью, но упрямства в нем было куда меньше, чем привычки ребячиться и искать ласки. Утешив себя тем, что уступать старшим — дело благородное, он решил пойти на мировую.

Выбрав момент, когда слуги разошлись по делам, юноша тенью выскользнул из своих покоев и направился к кабинету в восточном флигеле. Он прекрасно знал распорядок брата: в этот час Е Чжэнь неизменно просиживал за делами.

Шуанчэн подкрался к двери и приподнялся на цыпочках, заглядывая в щель. Тут его боевой задор поутих, и он нерешительно замялся у порога.

Наконец, собрав волю в кулак, он решительно толкнул дверь. Сделав несколько быстрых шагов, он с разбегу рухнул на колени, распластался по полу и, зажмурившись, истошно завопил:

— Брат! Я кругом виноват! Каюсь! Обещаю, больше ни одной глупости не сотворю! Умоляю, прояви великодушие, прости неразумного младшего брата на первый раз! Клянусь небом, я больше никогда не буду дурить! С этого дня твое слово для меня — закон! Повелишь учиться — засяду за книги! И больше никогда — слышишь, никогда! — я не буду травить соседских собак, воровать чужие персики и приставать к девчонкам!

Выпалив все это на одном дыхании, Шуанчэн замер в ожидании грозы или тяжелого вздоха. Однако в кабинете царила гробовая тишина. Почуввав неладное, он приоткрыл один глаз и обомлел. На него, не мигая, смотрели двое: Е Чжэнь и совершенно незнакомый, весьма представительный и красивый господин.

Юноша и представить не мог, что в кабинете окажется гость. Он-то рассчитывал устроить семейную сцену с глазу на глаз, зная, что брат не станет его выставлять. Но теперь перед ним сидел чужой человек, судя по богатому шелковому одеянию — высокопоставленный придворный чин, возможно, даже министр! Шуанчэн похолодел от ужаса. Опять он умудрился опозорить брата перед важным гостем! Сжавшись в комок, он испуганно втянул голову в плечи и застыл на полу, не зная, то ли провалиться сквозь землю, то ли бежать без оглядки.

Господин Цзи Жучэнь от такой бесцеремонности на секунду лишился дара речи. Наконец его брови гневно сошлись на переносице, и он сурово прикрикнул:

— Дерзость! Кто позволил тебе войти без доклада?!

Они как раз обсуждали щекотливое дело о казнокрадстве в провинции Цзинъань, и столь беспардонное вторжение посреди секретного разговора вывело министра из себя.

Шуанчэн стиснул зубы. Случись подобное в любой другой день, он бы в долгу не остался и ответил обидчику со всей присущей ему дерзостью. Но сейчас, под тяжелым, выжидающим взглядом Е Чжэня, он не смел издать ни звука.

Е Чжэнь некоторое время молча разглядывал коленопреклоненного брата, после чего спокойно повернулся к гостю:

— Господин Цзи, позвольте представить. Это мой младший брат — Е Шуанчэн.

Цзи Жучэнь, конечно, слышал, как влетевший юнец вопил «брат», но счел это недоразумением. Теперь же, получив подтверждение от самого Е Чжэня, он не сумел скрыть изумления.

Но Е Чжэнь проигнорировал замешательство гостя. Он мягко, но твердо обратился к по-прежнему распростертому на полу юноше:

— Ну же. Поднимайся. Или ждешь, пока я сам тебя подниму?

Шуанчэн, все еще трепеща от страха, поспешно поднялся на ноги. Чувствуя себя круглым дураком и лишним свидетелем, он поклонился и попятился к выходу, бормоча извинения.

Видя это, господин Цзи примиряюще взмахнул широким рукавом:

— Что ж, господин Е, на сегодня, пожалуй, закончим. Обсудим это государственное дело в более подходящее время.

Е Чжэнь согласно склонил голову и поднялся из-за стола, чтобы проводить гостя.

<http://bllate.org/book/18190/1751583>